ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2025.65.17

ОСНОВНЫЕ НОМИНАНТЫ КОНЦЕПТА «ANGST»/ «СТРАХ» В ТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Научная статья

Шаюк А.[1, *], Игнатьева Т.Ю.[2]
[1] ORCID : 0009-0001-5418-9748;
[1, 2] Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Пушкин, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (antonina.shayuk[at]mail.ru)

Аннотация

Данное исследование посвящено выявлению особенностей употребления основных номинантов концепта «Angst», таких как Angst и Furcht, а также их дериватов в переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на немецкий язык. Для достижения поставленной цели были рассмотрены контексты с употреблением лексем Angst и Furcht в переводе романа на немецкий язык и их эквиваленты в тексте оригинала на русском языке. В качестве методов исследования использовались метод сплошной выборки, семантический, сопоставительный и статистический методы. В ходе исследования было отмечено, что номинант концепта *Angst*, первоначально означавший «узость пространства», используется переводчиком для обозначения эмоции страха в романе в 10 раз чаще, чем лексема *Furcht*, что объясняется особенностью испытываемой эмоции — экзистенциального, давящего, необоснованного страха перед неведомой силой или тоталитарной властью. Лексема Angst и ее дериваты употребляются для перевода различных слов и выражений в русском языке, что, с одной стороны, доказывает богатство описательных средств выражения эмоций в русском языке, а с другой стороны, подтверждает роль данного номинанта как лексического средства для обозначения необоснованного, тревожного, фобического страха.

Актуальность темы обусловливается интересом к вопросу о соотношении концептов и единиц языка, а также определению и сравнению концептуальной структуры ментальных репрезентаций представителей различных культур.

Ключевые слова: эмоциональный концепт, концепт «страх», концепт «Angst», немецкий язык, роман «Мастер и Маргарита», Angst и Furcht.

THE MAIN NOMINATIONS OF THE CONCEPT "ANGST"/"FEAR" IN THE TEXT OF TRANSLATION OF M. BULGAKOV'S NOVEL "THE MASTER AND MARGARITA" INTO GERMAN

Research article

Shayuk A.[1, *], Ignateva T.Y.[2]
[1] ORCID : 0009-0001-5418-9748;
[1, 2] Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russian Federation

* Corresponding author (antonina.shayuk[at]mail.ru)

Abstract

This research is dedicated to identifying the specifics of the use of the main nominations of the concept "Angst", such as Angst and Furcht, as well as their derivatives in the translation of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" into German. In order to achieve this objective, the contexts with the use of lexemes Angst and Furcht in the German translation of the novel and their equivalents in the original text in Russian were examined. The research methods used were the continuous sampling method, semantic, comparative and statistical methods. In the course of the study it was noted that the nomination of the concept *Angst*, originally meaning "narrowness of space" is used by the translator to denote the emotion of fear in the novel 10 times more often than the lexeme *Furcht*, which is explained by the peculiarity of the emotion experienced — existential, pressurising, unreasonable fear of an unknown force or totalitarian power. The lexeme Angst and its derivatives are used to translate various words and expressions in Russian, which, on the one hand, proves the richness of descriptive means of expressing emotions in the Russian language, and on the other hand, confirms the role of this nomination as a lexical means to denote unreasonable, anxious, phobic fear.

The relevance of the topic is conditioned by the interest in the issue of the correlation between concepts and linguistic units, as well as the definition and comparison of the conceptual structure of mental representations of representatives of different cultures.

Keywords: emotional concept, concept "fear", concept "Angst", German, novel "The Master and Margarita", Angst and Furcht.

Введение

В рамках современной антропо- и этноцентрической научной парадигмы, изучающей ментальные репрезентации и признающей уникальность каждого языка как культурного феномена, возрастает интерес ученых к языковым единицам как ментальным репрезентациям, возбуждающим в памяти человека связанные с ними концепты — базовые единицы мыслительного кода человека, отличающиеся нечёткостью границ, динамичностью и зависимостью от контекста.

Вопрос о соотношении концептов и единиц языка является, наряду с определением концептуальной структуры, одним из центральных вопросов концептологии. Положения, касающиеся сущности и языковой репрезентации эмоций, рассматриваются в исследованиях З. Ковечеса, А. Вежбицкой, В.И. Шаховского, Н.А. Красавского, С.Г. Воркачева и др., при этом в ряде исследований по проблемам эмотивности и концептологии выделяются концепты особого вида — эмоциональные концепты, ядром которых являются базовые эмоции.

Целью исследования является выявление особенностей употребления основных номинантов концепта «Angst», таких как Angst и Furcht, а также их дериватов в переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на немецкий язык. Для достижения поставленной цели мы рассмотрели контексты с употреблением лексем Angst и Furcht в немецком переводе и их эквиваленты в исходном тексте М. Булгакова на русском языке. Для исследования использовались прием сплошной выборки, семантический метод лингвистического анализа и сопоставительный метод.

В современной лингвистике концепт ANGST рассматривается с разных позиций, его можно отнести к динамическим калейдоскопическим концептам, так как он не имеет постоянных фиксированных ассоциатов, изменяется в зависимости от индивидуальных особенностей человека и способен развиваться и пополняться новыми ассоциациями и знаниями. В то же время он является лингвокультурным концептом, прошедшим различные пути становления и тесно связанным с культурой народа и первоначальным значением основного номинанта концепта, означавшего физическую величину «узость пространства», сдавливание (горла), стеснение, нужду, узость, плен, удушье: «áṁhaḥ (Stamm áṁhas-) «Angst, Bedrängnis», awest. ązah- «Ein-, Zusammenschnürung (der Kehle), Bedrängung, Not, Enge, Gefangenschaft», lat. angustus (aus *angostos) «eng, schmal», angustia, meist im Plur. angustiae «Enge, Beklemmung, Schwierigkeiten» [12]. Кроме того, наполнение концепта всегда обусловлено особенностями рассматриваемой эпохи.

Обсуждение

В продолжении нашей работы над исследованием лингвокультурного эмоционального концепта «Angst» и его средств репрезентации (основные положения представлены в статьях и монографии «Способы репрезентации концепта «Angst»/»страх» в авторском идиостиле Ф. Кафки, 2011 г.) в данной статье мы рассматриваем употребление лексем Angst и Furcht и их дериватов в переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на немецкий язык. Выбор материала исследования был мотивирован тем, что текст романа изобилует эксплицитными и имплицитными средствами выражения концепта «Страх». В последние годы возрастает интерес к изучению переводных эквивалентов языковой единицы, которые могут быть использованы в качестве источника информации о ее семантике, а «выявление в оригинальных текстах стимулов, побуждающих переводчиков использовать те или иные слова языка перевода, позволяет верифицировать описание этих слов, полученное без использования переводных текстов и параллельных корпусов» [8, С. 238, 248].

Исследователи, рассматривающие роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с литературоведческой и лингвистической точки зрения, (Е.Е. Стефанский, А.Д. Шмелев, В.А. Кузьменкова, Е.В. Синцов, Е.В. Шабалдина и др.) единогласно выделяют в нем страх в качестве доминирующей эмоции. В романе «страшное» появляется уже на первых страницах и остается своеобразным лейтмотивом или фоновой эмоцией героев на протяжении всего повествования.

По справедливому замечанию Е.Е. Стефанского герои «испытывают «необоснованный, но столь сильный страх» перед двумя явлениями: «нечистой силой» и тоталитарным государством. Этот страх проявляется в особой — тревожной, фобической форме. Человек, переживающий эту эмоцию, не осознает причин, вызвавших ее» [3, С. 89].

В другой же работе отмечается, что роман Булгакова «пронизан страхом, как симптомом душевной болезни, источником которой является повседневная реальность», а не фантастические, дьявольские силы, «реальные люди, осуществляющие жестокую травлю, аресты, слежку, репрессии» [6, С. 57–58]. Немецкоязычные исследователи также подчеркивают, что атмосфера страха политических ошибок «Klima der Angst vor politischen Fehltritten» поддерживается упоминанием арестов между строк «zwischen den Zeilen geschilderten Verhaftungen» [11, С. 338].

В работе Е.В. Синцова, посвященной теме власти в романе, отмечается «тайное и всепроникающее присутствие власти», которое «ощущается в постоянной опаске, оглядке, напряжении персонажей, населяющих Москву». «Это подобие постоянного и липкого страха, который сродни состоянию арестованного за валюту Никанора Босого, страху обитателей «нехорошей квартиры», постоянной оглядке Римского. Этот страх — в ночных видениях Мастера (спрут, вползающий в окно), в охранительных речах Берлиоза… Так Булгакову удается передать ощущение, что власть, лишившись персонификации, оказалась как бы невидимой и обрела всеприсутствие» [5, С. 149].

Изучение художественного дискурса позволяет проанализировать лингвоспецифические эмоциональные концепты и их структурообразующую роль. «Рассмотрение эмоций в рамках художественного дискурса имеет несколько преимуществ. Подобный анализ дает возможность рассмотреть эмоции в динамике и, следовательно, увидеть различия между сходными или смежными эмоциями» [3, С. 88].

Именование эмоций являются скорее «метаэмоциями» или «понятийным обозначением последних» [7, С. 94] и не выражают чувственный компонент. Но в ближайшем контексте, как правило, эмоция выражается в описании физического и психического состояния героя, а также метафорическими средствами.

Путем сплошной выборки в тексте перевода романа удалось обнаружить 45 употреблений лексемы *Angst*, в том числе в составных существительных Kinderangst и Todesangst. «Angst» является также составной частью глагола *ängstigen* (5 употреблений в различных временных формах *ängstigte, geänstigt*), наречия и прилагательного ängstlich (7 употреблений), прилагательных *angsterregend, beängstigend, angstvoll* и причастия *angstbetäubt*. Итого 61 лексическая единица.

Только в 20 случаях (из 45) лексема *Angst* является переводом существительного *страх*, в 18 употреблениях лексема *Angst* в составе выражения «Angst haben» является переводом различных форм глагола бояться (боюсь,

боишься, боялся, боясь, не бойся), 3 употребления — перевод глаголов напугать, испугаться, 2 употребления – наречия страшно, сумасшедше-пугливо (1), ужас (1).

В переводе романа лексема *Angst* встречается с глаголами packen (охватывать), befallen (овладевать), überwinden (преодолевать) в составе стертых метафор, выражающих враждебную сущность эмоции: (Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх — wurde er von einer grundlosen, aber so heftigen Angst gepackt). В данном контексте характеристикой эмоции является необоснованность, характерная именно для понятия Angst, в отличие от Furcht, так как страх-тревога (Angst) отличается от страха-боязни (Furcht): боязнь всегда основывается на чём-то конкретном и определённом, в то время как страх-тревога — это «действительность свободы как возможность для возможности» [10, С. 205]. Употребление лексемы *Angst* с глаголами *kriechen* (ползти), *betäuben* (оглушать), позволяет установить метафорический перенос «страх-животное»: (страх пополз по его телу, начиная с ног — da kroch von den Füßen hier die Angst an seinem Körper herauf; страх притупился — Das betäubte meine Angst etwas).

Номинант концепта часто употребляется для обозначения причины состояний потери рассудка и неадекватных действий (из страха — aus Angst; обезумев от страха — wahnsinnig vor Angst; в страхе не соображая — da es in seiner Angst nicht merkte), а также физиологических реакций (замирающая от страха Маргарита — die vor Angst vergehende Margarita, трясущийся от страху — vor Angst schlotternde; стеная от страха — vor Angst stöhnend).

Употребление в ближайшем контексте сопутствующих эмоций позволяет выделить смежные эмоциональные концепты, как например Wut — злоба, ярость (плавал и метался страх и ярость — jagten sich Angst und Wut; со страхом и злобой — mit Angst und Wut).

Универсальность лексемы Angst для выражения концепта прослеживается в её в выборе для перевода различных русских лексем: (появился смертельный **ужас** — blinkte tödliche Angst**;** сумасшедше-**пугливо** — mit irrer Angst; Чего я **испугался** — Wovor hatte ich Angst; Мне **страшно** — Ich hab Angst, что **боюсь** воров — ich hätte Angst vor Dieben). Ту же самую универсальность можно отметить в употреблении однокоренных слов *ängstigen* и *ängstlich*. Глагол *ängstigen* выступает в качестве эквивалента глаголов *пугать*, *бояться* и эмоционально-разговорного выражения «чуть на смерть не уходил», для которого переводчик, вероятно, не нашел тождественного выражения в немецком языке (что его **напугало** — was ihn ängstigte; я стал **бояться** темноты — So ängstigte mich zum Beispiel die Dunkelheit; едва насмерть с Геллой не **уходил**! — fast zu Tode geängstigt). Наречием *ängstlich* переведены русские слова **труся, испуганно, тревожно**.

Лексема Furcht употреблена в переводе романа только 4 раза: для перевода слова *испуг* (чуть улыбнувшись испугу интуриста — belächelte die Furcht des Touristen), выражения «*растревожить душу*» (setzte seine Seele in Furcht) и «*ничего страшного*» (nichts, was Furcht einflößte).

Более частотно представлены однокоренные слова: furchtbar (18), furchtsam (6), furchteinflößend (3), furchtlos (3), furchterregend, furchterweckend, а также глагол fürchten (sich) 26 употреблений в разных временных формах, наречие fürchterlich (3). Лексема *furchtbar* выступает эквивалентом слов *страшный*, *ужасный* (страшным голосом — mit furchtbarer Stimme, страшная мысль — furchtbare Gedanke, страшный вечер — furchtbaren Abend, непобедимая, ужасная болезнь гемикрания — die unbesiegliche furchtbare Krankheit, die Hemikranie). Наречие *furchtsam* — *пугливо*, описывает поведение человека, взгляд, движения (blickte sich furchtsam um — пугливо оглянулся, furchtsam um sich und hinter sich schielend — пугливо косясь, ежеминутно оглядываясь). Глагол *fürchten (sich)* — *бояться*, *опасаться*, *тревожиться*, выражает чувство страха перед чем-то осознаваемым, понятным. В таких предложениях говорящий обычно может назвать то, чего он боится (Опасаюсь мести вышеизложенного председателя — Ich fürchte die Rache des oben genannten Vorsitzenden; и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова — aber ich fürchtete, ich würde kein Wort herausbringen; И так же точно, как собаки, я боялся и трамвая — Genauso wie den Hund fürchtete ich die Straßenbahn).

Заключение

Полученные результаты, по нашему мнению, подтверждают утверждение Е.Е. Стефанского, что в русском языке на общеязыковом уровне практически не выработалось лексического средства для обозначения необоснованного, тревожного, фобического страха, тогда как в других языках имеются особые слова, причем обычно их внутренняя форма базируется на идее сжатия [2, С. 227]. Именно таким словом является номинант концепта Angst, тесно связанный с культурой народа и первоначальным значением основного номинанта концепта, означавшего физическую величину «узость пространства» lat. *angustus* (aus **angostos*) «eng, schmal».

Для перевода разнообразных частей речи, выражающих страх-тревогу в тексте романа на русском языке (существительных *страх*, *ужас*, глаголов *бояться*, *напугать*, *пугаться*, наречий *страшно*, *сумасшедшее-пугливо*), особенно в тех контекстах, где испытывающий эмоцию не может объяснить ее какими-либо причинами, в немецком варианте используются словосочетания с существительным Angst, основным номинантом концепта.

Страх, как враждебная эмоция, часто описывается и в русском, и в немецком языке метафорическими сочетаниями с глаголами, обозначающими борьбу или нападение, а также сравнивается с ползающим животным.

Лексема Furcht встречается в переводе романа в десять раз реже, а ее дериваты употребляются для описания силы голоса или страха перед чем-то известным.

Таким образом, подводя итог анализу употреблений номинантов концепта «Angst», таких как Angst и Furcht, а также их дериватов в переводе романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на немецкий язык, можно утверждать, что лексема Angst и однокоренные лексемы выбраны переводчиком как универсальные, общепринятые языковые единицы для выражения экзистенциального, давящего, необоснованного страха перед неведомой силой или тоталитарной властью.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Филиппова И.Н., Государственный университет просвещения, Москва Российская Федерация
DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2025.65.17.1

Conflict of Interest

None declared.

Review

Filippova I.N., Federal State University of Education, Moscow Russian Federation
DOI: https://doi.org/10.60797/RULB.2025.65.17.1

Список литературы / References

1. Кузьменкова В.А. К вопросу об идиостиле М.А. Булгакова. / В.А. Кузьменкова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. — 2015. — № 2. — С. 91–95.
2. Стефанский Е.Е. Концепт иррационального страха в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е.Е. Стефанский // Альманах современной науки и образования. — Вып. 3. — Тамбов: Грамота, 2007. — С. 227–229.
3. Стефанский Е.Е. О методологических принципах анализа эмоциональных концептов в художественном дискурсе. / Е.Е. Стефанский // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 66. — С. 87–93.
4. Стефанский Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.Е. Стефанский. — Волгоград, 2009. — 16 с.
5. Синцов Е.В. Художественно-историческая концепция власти М. А. Булгакова (роман «Мастер и Маргарита») / Е.В. Синцов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». — 2010. — № 1 (7). — С. 141–155.
6. Шабалдина Е.В. Образ сумасшедшего дома в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: к вопросу о реализации мотива безумия / Е.В. Шабалдина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2016. — С. 57–59.
7. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1987. — 190 с.
8. Шмелев А.Д. Перевод как инструмент анализа семантики лингвоспецифичных слов: страх и трепет в русском языке в свете данных параллельных корпусов / А.Д. Шмелев // Русский язык и культура в зеркале перевода: X Международная научная конференция; Материалы конференции. — Москва: Издательство Московского университета, 2020. — С. 238–250.
9. Der Meister und Margarita. Mit Nachwort von Ralf Schröder. — Berlin: Weimar, 1983. — 584 s.
10. Kierkegaard S. Der Begriff Angst / S. Kierkegaard. — Düsseldorf: Diederichs, 1958. — 280 s.
11. Salden P. Gewalt in Bulgakows Der Meister und Margarita und ihre zeitgenössische Rezeption — Verbrechen — Fiktion — Vermarktung / P. Salden // Gewalt in den zeitgenössischen slavischen Literaturen. — Universitätsverlag Potsdam, 2013. — S. 333–351.
12. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. — 2025. — URL: https://www.dwds.de/wb/etymwb/Angst (abgerufen am 16.04.2025).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kuz'menkova V.A. K voprosu ob idiostile M.A. Bulgakova [On the question of M.A. Bulgakov's idiostyle]. / V.A. Kuz'menkova // Bulletin of the Centre for International Education of Moscow State University. Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology. — 2015. — № 2. — P. 91–95. [in Russian]
2. Stefanskii Ye.E. Kontsept irratsionalnogo strakha v romane M. Bulgakova "Master i Margarita" [The concept of irrational fear in M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"] / Ye.E. Stefanskii // Almanac of Modern Science and Education. — Issue 3. — Tambov: Gramota, 2007. — P. 227–229. [in Russian]
3. Stefanskij E.E. O metodologicheskix principax analiza e'mocional'ny'x konceptov v xudozhestvennom diskurse [On methodological principles of analysing emotional concepts in fiction discourse]. / E.E. Stefanskij // Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia. — 2008. — № 66. — P. 87–93. [in Russian]
4. Stefanskii Ye.E. Kontseptualizatsiya negativnykh emotsiy v mifologicheskom i sovremennom yazykovom soznanii (na materiale russkogo, polskogo i cheshskogo yazykov) [Conceptualisation of negative emotions in mythological and modern language consciousness (on the material of Russian, Polish and Czech)]: dis. ... of PhD in Philological Sciences / Ye.E. Stefanskii. — Volgograd, 2009. — 16 p. [in Russian]
5. Sintsov Ye.V. Khudozhestvenno-istoricheskaya kontseptsiya vlasti M. A. Bulgakova (roman "Master i Margarita") [M. A. Bulgakov's art-historical concept of power (novel "The Master and Margarita")] / Ye.V. Sintsov // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Vipusk "Filosofiya. Filologiya" [Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Issue "Philosophy. Philology"]. — 2010. — № 1 (7). — P. 141–155. [in Russian]
6. Shabaldina Ye.V. Obraz sumasshedshego doma v romane M.A. Bulgakova "Master i Margarita": k voprosu o realizatsii motiva bezumiya [The image of a madhouse in M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita": a question about the implementation of the motif of madness] / Ye.V. Shabaldina // Philological Sciences. Issues of theory and practice. — Tambov: Gramota, 2016. — P. 57–59. [in Russian]

7. Shakhovskii V.I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazika [Categorisation of emotions in the lexico-semantic system of language] / V.I. Shakhovskii. — Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1987. — 190 p. [in Russian]

8. Shmelev A.D. Perevod kak instrument analiza semantiki lingvospetsifichnikh slov: strakh i trepet v russkom yazike v svete dannikh parallelnikh korpusov [Translation as a tool for analysing the semantics of linguospecific words: fear and trembling in Russian in the light of parallel corpus data] / A.D. Shmelev // Russian Language and Culture in the Mirror of Translation: X International Scientific Conference; Proceedings of the Conference. — Moscow: Moscow University Press, 2020. — P. 238–250. [in Russian]

9. Der Maister und Margarita [The Master and Margarita]. With afterword by Ralf Shroeder. — Berlin: Waimar, 1983. — 584 p. [in German]

10. Kierkegaard S. Der Begriff Angst [The concept of fear] / S. Kierkegaard. — Duesseldorf: Diederichs, 1958. — 280 p. [in German]

11. Salden P. Gewalt in Bulgakows Der Maister und Margarita und ihre zaitgenoessishe Retseption - Ferbrechen – Fiktion – Fermarktung [Violence in Bulgakov's The Master and Margarita and its Contemporary Reception — Crime — Fiction — Commercialisation] / P. Salden // Gewalt in den zaitgenoessishen slavishen Literaturen [Violence in Contemporary Slavic Literature]. — University Publishing House Potsdam, 2013. — P. 333–351 [in German]

12. Etymologisches Woerterbuch des Deutschen [German Etymological Dictionary]. — 2025. — URL: https://www.dwds.de/wb/etymwb/Angst (accessed: 16.04.2025). [in German]